

Научная статья
УДК 94(41/99) Ирак
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.2.11>

АМЕРИКАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИРАКА И ПРОБЛЕМА ШИИТСКОГО АКТИВИЗМА

Мариам Салман Хамид¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет (д. 83, ул. Астраханская, 410012, Саратов, Российская Федерация)
Аспирант. ORCID: 0000-0002-5363-0909. E-mail: mariyam22sm@gmail.com

Аннотация. Введение. В статье автор обращается к анализу причин и предпосылок политической активизации борьбы шиитов Ирака за свои права в условиях американской оккупации в период правления Временной коалиционной администрации Пола Бремера. Анализируются основные мероприятия американских оккупационных властей 2003–2004 года по «демократизации» постсаддамовского Ирака в политической, экономической и военной сферах и их результаты, приведшие к росту антиамериканских настроений среди шиитского населения. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе анализа источников, состоящих из воспоминаний американского чиновника П. Бремера и иракского политика А. Аллауи, которые позволяют провести сравнительный анализ целей и задач американской оккупационной администрации и их реализацию, с точки зрения шиитской общины Ирака. **Анализ.** Важную часть составляет анализ состояния шиитской общины и борьба за влияние между ведущими политическими лидерами шиитов религиозного толка, отстаивавших разные пути развития постсаддамовского Ирака на примерах деятельности аятолл

Мохаммада Бакира аль-Хакима, Абдул Маджида аль-Хои и муллы Муктады аль-Садра. **Результаты.** Делается вывод о том, что события весной 2004 года с эпицентром в Неджефе стали высшим проявлением активизации шиитской борьбы за свои права в постсаддамовском Ираке. Достигнутый компромисс с Муктадой аль-Садром, не только выводил его в первые ряды влиятельных иракских политиков, но и означало фактический провал первоначальных планов США по демократизации Ирака по западным лекалам. Муктада аль-Садр своими решительными действиями продемонстрировал настрой шиитов на отстаивание места, соответствующего их положению в будущем устройстве Ирака, что неизбежно вело к обострению этно-конфессионального противостояния с другими общинами в лице суннитов и курдов.

Ключевые слова: Ирак, США, антиамериканизм, шииты, Пол Бремер, Мохаммад Бакир аль-Хаким, Абдул Маджид аль-Хои, Муктада аль-Садр

Для цитирования: Хамид М. С. Американская оккупация Ирака и проблема шиитского активизма // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10(2). С. 265–271. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.11

Original article

THE AMERICAN OCCUPATION OF IRAQ AND THE PROBLEM OF SHIITE ACTIVISM

Mariam S. Hamid¹

¹ Saratov State University (83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation)
Postgraduate student. ORCID: 0000-0002-5363-0909. E-mail: mariyam22sm@gmail.com

Abstract. Introduction. The article analyzes the reasons and prerequisites for the political activation of the struggle of the Shiites of Iraq for their rights under the American occupation during the reign of the Provisional Coalition Administration of Paul Bremer. The article studies the main activities of the American occupation authorities in 2003 and 2004 to «democratize» post-Saddam Iraq in the political, economic and military spheres and their results, which led to an increase in anti-American sentiments among the Shiite population. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of sources consisting of the memoirs of the American official P. Bremer and the Iraqi politician A. Allawi, which allow a comparative analysis of the goals and objectives of the American occupation administration

and their implementation, from the point of view of the Shiite community in Iraq. **Analysis.** An important part is the analysis of the state of the Shiite community and the struggle for influence between the leading political leaders of religious Shiites who defended different ways of development of post-Saddam Iraq on the examples of the activities of Ayatollahs Mohammad Baqir al-Hakim, Abdul Majid al-Khoi and Mullah Muqtada al-Sadr. **Results.** It is concluded that the events in the spring of 2004 with the epicenter in Nejeef became the highest manifestation of the intensification of the Shiite struggle for their rights in post-Saddam Iraq. The compromise reached with Muqtada al-Sadr not only brought him to the forefront of influential Iraqi politicians, but also meant

the actual failure of the initial US plans to democratize Iraq according to Western patterns. With his decisive actions, Muqtada al-Sadr demonstrated the attitude of the Shiites to defend a place corresponding to their position in the future structure of Iraq, which inevitably led to an aggravation of ethno-confessional confrontation with other communities such as Sunnis and Kurds.

Введение. 9 апреля 2003 г. мировые информационные агентства распространили эпохальные кадры того, как американский танк, под восторженные крики иракцев, обрушил с постаamenta памятник иракскому диктатору в центре Багдада. Этот эпизод стал символом окончания 35-летнего правления партии Баас и лично Саддама Хуссейна [5, p. 242]. Не менее помпезно прошла торжественная церемония на палубе авианосца ВМС США «Авраам Линкольн», когда на фоне баннера «Миссия выполнена!», американский президент Дж. Буш-младший торжественно объявил о победоносном завершении войны в Ираке.

Быстрый разгром иракской армии поставил перед экспертами вопрос о наличии у американской администрации планов по дальнейшим действиям в Ираке и налаживании мирной жизни. Если абстрагироваться от идеи о стремлении заполучить контроль над иракской нефтью, в администрации США серьезным образом подходили к возможности превращения Ирака в «первую арабскую демократию» [3, p. 77], о чем в сентябре 2002 г. заявлял один из главных апологетов иракской кампании Пол Вулфовиц, тогдашний заместитель секретаря обороны США.

Материалы и методы. Продолженный анализ американских внешнеполитических документов в коллективной работе «Конфликты и войны XXI века», позволяет сделать вывод о том, что к числу глобальных приоритетов США относится проблема интеграции развивающихся стран в существующий мировой порядок и их объединения вокруг западных ценностей [2, с. 261]. Столь упрощенный и прямолинейный подход к реформированию Ирака, вызывал критику ряда американских экспертов, утверждавших, как например, Мартин Индик, что американская администрация имеет крайне мало достоверной информации о том, что реально происходит в Ираке [6, p. 211]. Английский исследователь Джон Робертсон еще более критичен, когда говорит о деятельности американской оккупационной администрации в Ираке, что в отличие от британцев, у американцев опыта управления народами Ближнего Востока не было. Они были полностью невежественны в вопросах иракской истории и культуры, предпочитая опираться на рекомендации лояльных, а не независимых, специалистов [11, p. 320].

Анализ. Проблема заключалась в том, что при любом раскладе в создании единого и демократического Ирака, создаваемое государство будет основываться на доминировании в его структу-

Key words: Iraq, USA, anti-Americanism, Shiites, Paul Bremer, Mohammad Baqir al-Hakim, Abdul Majid al-Khoi, Muqtada al-Sadr

For citation: Hamid M. The American occupation of Iraq and the problem of Shiite activism // Humanities and law research. 2023. V. 10 (2). P. 265–271 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.11

ре шиитского большинства, которое составляет 14 млн человек или 60 % всего населения страны [4, p. 117]. Ситуация осложняется тем фактом, что в этническом плане шииты не однородны, и помимо арабов, составляющие 80 % шиитов Ирака, сюда относятся и курды. Разобщенность шиитской общины позволяла правящему суннитскому меньшинству сохранять шиитов на уровне маргинализованной группы. И хотя шииты и являются интегральной частью иракской государственной структуры, они никогда не были интегрированы в структуры власти, отвечавшие за выработку и принятие важнейших решений. Возможно, это была даже более серьезная проблема, чем курдская, недооценка которой серьезным образом осложняло американской администрации проведение заявленных ими принципов по переустройству постсаддамовского Ирака.

Американский исследователь иракского происхождения, Али Аллауи, утверждает о наличии политических дискуссий представителей американской администрации задолго до анонсированного вторжения в Ирак в 2003 г. с иракской оппозицией. По его словам, в результате были выработаны три возможные концепции будущего страны. Речь шла о концепциях, основанных, соответственно, на идеях коммуитаризма, реформированного исламизма и либеральной демократии [3, p. 72]. Причем численно среди иракской диаспоры преобладали сторонники демократического развития, что не могло не импонировать американской администрации.

Американские власти предпринимали попытки консолидировать и институционализировать иракскую антисаддамовскую оппозицию, проводя поочередно встречи в Лондоне (14 декабря 2002 г.), Салахаддине (Иракский Курдистан, 25 января 2003 г.), Насирийи (Ирак, 15 апреля 2003 г.) и Багдаде (28 апреля 2003 г.). От американского Госдепа модераторами выступали Райен Крокер, Залмай Халилзад и глава первой американской оккупационной администрации – Бюро по восстановлению и гуманитарной помощи (ORHA) Джей Гарнер. Американские власти не скрывали своих намерений поставить во главе Ирака, так называемых, иракских демократов, для чего даже были возвращены из эмиграции соответствующие «лидеры» в лице таких политиков как Ахмад Чаляби. Личность во многих отношениях вполне показательная и символичная. Против фигуры Чаляби говорило буквально все, начиная от его личной непопулярности и не популярности возглавляе-

мой им организации – Иракский национальный конгресс (ИНК) – у широких слоев населения до криминального прошлого этого оппозиционера. Известно, что за финансовые махинации Чаляби был приговорен в Иордании к длительному сроку тюремного заключения [1, с. 94].

По итогам встречи в Насирии была принята программа из 13 пунктов, которая должна была лечь в основание преобразований постсаддамовского Ирака. Она ожидаемо призывала к демократии, федерализму и правлению закона. Также требовала роспуска партии Баас. Выступавшие на конференции говорили о будущем Ираке как о процветающей, светской, либеральной стране, с рыночной экономикой, плюралистичной политической системой, основанной на конституционализме, уважении прав человека и женщин [3, р. 101].

Реализовывать программу по подготовке к переходу к демократическому Ираку должна была Временная коалиционная администрация (ВКА) во главе с американским дипломатом и послом Полом Бремером. В период осуществления своих полномочий с 11 мая 2003 г. по 28 июня 2004 г. он смог осуществить целый ряд важных преобразований, кардинально изменивших весь политический и социально-экономический ландшафт страны. Уже в сентябре 2003 г. Бремер был вынужден признать, что в результате вторжения в Ирак, в стране полностью разрушена система государственного управления, военная и гражданская власть [5, р. 243]. Не последнюю роль в этом сыграли и его нововведения.

В-первую очередь следует назвать его приказ от 16 мая 2003 г. о «дебаасификации иракского общества», согласно которому объявлялся роспуск партии Баас с ее 2 млн. членов и люстрация всех членов партии в органах управления страны [9, р. 208]. Не секрет, что в основном «жертвами» дебаасификации оказались сунниты, и, фактически, можно было говорить о «десуннитификации» всей политической и государственной системы Ирака. Во-вторых, 23 мая последовал второй приказ, уже о роспуске иракской армии, а это более 400 000 человек, где основу также составляли сунниты, особенно что касается офицерского корпуса армии и спецслужб [9, р. 209]. В-третьих, в сфере экономики, Бремер пошел по пути разрушения госсектора экономики – по примеру «шоковой терапии» в странах Восточной Европы, пытаясь провести радикальную приватизацию на основе свободного рынка и частного предпринимательства, привлечения иностранных компаний и инвестиций. Были отменены таможенные пошлины на импорт, предприятия стали активно приватизироваться иностранными компаниями. Внутренний рынок был наводнен импортным ширпотребом, но вставал вопрос с покупательской способностью иракцев, которые переживали всплеск безработицы и инфляции. Коммуналь-

ные службы, практически перестали работать, обострились проблемы с обеспечением населения питьевой водой, вывозом бытового мусора и разрушением системы канализации. Все это накладывалось на трудности с обеспечением доступного продовольствия и системы здравоохранения [3, р. 125].

Не менее своеобразно выглядела практика политической системы управления оккупированным Ираком при П. Бремере при котором был создан Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ). По мысли Бремера, члены Совета должны были представлять отдельные этно-конфессиональные группы Ирака. И в начале данный шаг приветствовался представителями шиитов и курдов, которые были исключены из политической системы партии Баас, однако, побочным фактором стала институционализация фактического разделения общества по этно-конфессиональному признаку [3, р. 245]. За Бремером сохранялось право вето на любые решения Совета. При этом он опирался на широкую структуру советников, действовавших как администраторы, стоявшие над иракскими служащими. Фактически ВУСИ выполнял функцию «фасада» для ВКА, пользовавшейся всей полнотой власти. Входившие в состав ВУСИ иракские политики, понимая приниженный статус своего совета, даже оправдывались на мировой арене, как это сделал Аднан Пачачи в своем выступлении в сентябре 2003 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявив, что «Ирак не утратил своего суверенитета. Его суверенитет был приостановлен до тех пор, пока иракским властям не будут возвращены все полномочия» [3, р. 192].

Политика США в лице Пола Бремера и ВКА была направлена на создание негативного образа режима Саддама Хусейна и партии Баас, что вытекало из проводимой политики «дебаасификации», на деле означавшей фактическую «десуннитификацию». В подрыве доминирующего положения представителей суннитов, США находили поддержку со стороны курдов и шиитов. Однако курды «самоустранились» из процесса политического урегулирования, сконцентрировавшись на вопросах укрепления автономии Иракского Курдистана и расширении подвластной территории за счет установления контроля над смешанными районами, в первую очередь, Киркука и Мосула.

Данная ситуация оставляла американцев, фактически один на один с шиитами, составившими, как говорилось выше, большинство населения Ирака. Показательным моментом является численный состав ВУСИ, сформированный усилиями команды П. Бремера. Из девяти человек пятеро были шиитами, и по двое – суннитов и курдов [5, р. 246]. Мало того, из пяти шиитских членов, трое принадлежали к исламистам, что ставило под сомнение надежды американцев по

построению в Ираке светской и демократической республики. Не менее важным моментом был и тот факт, что из девяти членов совета ни один не был настолько влиятельной фигурой, чтобы единолично возглавить создаваемый орган. Поэтому пришлось прибегнуть к системе ротации, когда каждый член совета по одному месяцу председательствовал в ходе заседаний, что не придавало популярности деятельности «детищу» Бремера, в котором пытались доминировать светские политики, типа шиитов Ахмада Чаляби и Аяяда Аллауи, суннита Аднана Пачачи. Но как показали уже первые выборы 30 января 2005 г. в переходный парламент – Национальную ассамблею, которая должна была утвердить новую конституцию страны, «проамериканские» силы их проиграли. Так партия А. Аллауи «Иракийя» смогла получить только 40 мест из 275. Фактическими победителями стали шиитские исламисты, объединившиеся в «Объединенный иракский альянс» (ОИА) во главе с Абдель Азиз аль-Хакимом и Ибрагимом Джаафари. Шиитский альянс получил 140 мест, и стал ведущей политической силой Национальной ассамблеи. Из-за бойкота выборов со стороны суннитов, второе место ожидаемо получили курдские партии, объединившиеся в «Курдистанский альянс» во главе с Масудом аль-Барзани и Джалалом аль-Талабани [11, р. 324].

Итоги голосования дают ясно понять, что иракцы голосовали исходя из своих этнической и конфессиональной принадлежности. Практически все курды (около 95% из проголосовавших) отдали свои голоса за Курдистанский альянс. Около 75 % шиитов проголосовали за ОИК, и примерно 75 % всех суннитов бойкотировали выборы. В итоге только 17 депутатов ассамблеи оказались суннитами. В связи с чем светский и национальный «Иракский список» А. аль-Аллауи получил только 15 % мест. И данная специфика этноконфессионального принципа голосования подтвердилась на следующих всеобщих выборах [5, р. 249].

Как отметили в своей работе Фейб Марр и Ибрахим аль-Мараши, слабость прозападных политиков, таких как Чаляби или Аяяд Аллауи, заключалась в том, что помимо их западного миграционного шлейфа, значительную роль играло и отсутствие за ними лояльных вооруженных группировок, которые имелись у курдов или шиитов. Они могли полагаться только на защиту со стороны оккупационных сил [9, р. 206]. Поэтому не удивительно, что светские политики воспринимались как креатуры и марионетки США шиитами Ирака, делавшие ставку, прежде всего на свою конфессиональную принадлежность, а только потом на национальность. И в этом заключалась, одновременно, и сила, и слабость шиитской общины.

Свержение Саддама Хуссейна и партии Баас, с воодушевлением было воспринято массами шиитского населения, которое уже традиционно подвергалось преследованиям и дискриминации

со стороны властей, не гнушавшихся и прямого насилия в отношении оппонентов. Поэтому падение режима стало мощным стимулом для политической активизации деятельности шиитских группировок, настаивавших на реформировании политической системы власти в свою пользу. Однако выступив под религиозными знаменами, иракские шииты оказались не способными консолидироваться под руководством общепризнанного лидера. В этом есть следствие специфики шиитской концепции власти, основанной на вере в единственного легитимного лидера в лице сокрытого имама – Мохаммада аль-Махди. Важно отметить, что шииты верят в то, что сокрытый имам не умер, а живет где-то на земле тайно [6, р. 29]. Поэтому действующие священнослужители – улама, выполняли функции наставников, в первую очередь в духовной сфере, для простых верующих. Наиболее авторитетные и уважаемые улама получали титул аятоллы, а наивысшим авторитетом среди аятолл выступал «марджа ат-таглид» (образец для подражания). Причем одновременно могло быть несколько таких мараджаа, что и вносило разобщенность в жизнь шиитской общины – уммы.

В современном Ираке сложилась определенная группа семей, которые традиционно были связаны с институтом марджаа. К таким фамилиям относились семейства аль-Хахим, аль-Хои, аль-Садр, аль-Гитта и аль-Систани [10, р. 127]. Американские оккупационные власти не могли не считаться с присутствием шиитских аятолл, которые, по примеру соседнего Ирана также стали активно участвовать и влиять на политические процессы в своей стране. И факт религиозной общности шиитов Ирака и Ирана являлся дополнительным стимулом для Вашингтона не игнорировать «шиитскую проблему».

Американские власти, в лице ЦРУ, пытались использовать рост шиитского активизма в своих целях, предлагая сотрудничество умеренным аятоллам, не одобрявшим процесс эскалации конфликта после падения саддамовского режима. Наиболее показательным моментом выглядят контакты с аятоллой Абдул Маджидом аль-Хои, сыном очень влиятельного мараджи аятоллы Абуль Касима аль-Хои, умершего в 1992 году под домашним арестом, преследуемый иракскими властями за свои взгляды [12, р. 265]. Это заставило его сына покинуть Ирак и искать прибежища на Западе, выбрав в качестве пристанища Лондон. Там он отдалился от политики и, основав Фонд Хои, занимался вопросами благотворительности. До конца 2002 года Абдул Маджид аль-Хои демонстрировал толерантность к иракским делам, но, когда вторжение стало неизбежным, изменил свой подход. С началом операции, ЦРУ обратилось к нему за содействием в налаживании связей между коалицией и мараджи Неджефа во избежание насилия.

Абдул Маджид аль-Хои вернулся на родину вместе с войсками коалиции, прибыв на американском военном вертолете в Неджеф 3 апреля 2003 года. Его целью была работа с местными аятоллами и верующими по пресечению возможного сопротивления интервентам и столкновений со сторонниками свергнутого режима [9, р. 206]. Он выступил посредником между американцами и местными аятоллами, в частности Али аль-Систани, убеждая их не призывать верующих к сопротивлению. Стремясь объединить всю общину Неджефа, он налаживал контакт со ставленником Саддама на посту покровителя Святой мечети имама Али – киллидаром Хайдаром аль-Руфайи, крайне непопулярной личностью среди верующих, к тому же члену Баас. Позиционируя себя как возможный центр объединения шиитов Неджефа, аль-Хои пренебрежительно относился к возможным союзникам, в частности к мулле Муктаде аль-Садр, молодому и активному политику. В итоге все закончилось для Абдула Маджида аль-Хои очень плохо. 10 апреля на него и его охрану было совершено нападение вооруженной толпы, обвинившей аятоллу в продажности США и симпатиях к свергнутому режиму. Абдул Маджид аль-Хои было нанесено не менее 30 ножевых ранений, от которых он и скончался [4, р. 134]. Вместе с аятоллой погиб и Хайдар аль-Руфайи. Попытки некоторых исследователей обвинить в случившемся Муктаду аль-Садр, убедительных подтверждений не получили [3, р. 92].

Другой пример, также трагической судьбы, демонстрирует аятолла Мухаммед Бадр аль-Хаким, который в отличие от аятоллы аль-Хои, также был вынужден мигрировать из Ирака под угрозой репрессий со стороны Саддама Хуссейна, правда не на Запад, а в Иран. После победы Исламской революции в Иране в 1979 г., многие иракские аятоллы были вынуждены бежать от репрессий Саддама, боявшегося повторения подобной революции у себя в стране. Находясь в Иране, Мухаммед Бадр аль-Хаким стал центром притяжения иракской оппозиции, когда возглавил, созданный в 1982 г. в Тегеране, Высший совет исламской революции Ирака (ВСИРИ), куда вошли около десятка группировок [2, с. 177]. При ВСИРИ в 1983 году было создано и боевое подразделение «Бригада Бадр» при поддержке Ирана из иракских военнопленных, которое сыграло ограниченную роль в нескольких кампаниях, главным образом в Иракском Курдистане [12, р. 238]. Главная цель, преследуемая Ираном созданием ВСИРИ заключалась в стремлении объединить все иракские исламистские группировки для борьбы с саддамовским режимом.

Совпадение общей цели – свержения Саддама, открывало простор для сотрудничества между США и Ираном, где к власти пришли реформисты во главе с президентом М. Хатами. Перед

началом вторжения в Ирак, США установили контакт с аль-Хакимом с согласия Тегерана [3, р. 74]. Аятолла вернулся на родину, 10 мая 2003 г., с разрешения коалиции. Вместе с аль-Хакимом в Ирак вошли и «Бригада Бадр» под командой иранских офицеров из Корпуса стражей исламской революции (КСИР) [7, р. 222].

В Неджефе, аятоллу приветствовали десятки тысяч сторонников и последователей. Все его речи призывали к быстрой передаче власти иракцам, прекращению оккупации и созданию конституционного правительства, в котором исламские ценности и заповеди будут соблюдаться. Он говорил о толерантном и справедливом обществе, но явно в исламских, а не демократических или светских терминах. Аятолла готовил для себя уникальную роль политической власти над рядовыми шиитами. Аль-Хаким надеялся реализовать в Ираке иранскую политическую модель «веляят-е факих», когда главой государства выступает мараджи. Учитывая, что большинство населения Ирака – это шииты, следовательно, создаваемое государство будет шиитским по своей сути. И как признал Али Аллауи, аль-Хакиму даже удалось добиться успеха в убеждении своей правоты среди аятолл Неджефа [3, р. 113].

Однако такое развитие событий не устраивало радикальные круги суннитов. 29 августа 2003 г., после пятничной молитвы в мечети имама Али в Неджефе, на выходе из нее аятоллы аль-Хакима, прогремел взрыв, унесший жизни 126 человек [2, с. 188], среди которых был и аятолла. Ответственность за смерть аль-Хакима шииты возлагали на «Аль-Каиду», а также на США.

Насильственная смерть двух влиятельных аятолл, стремившихся направить шиитский активизм в определенное русло, ясно дала понять, что шиитам не дадут ориентироваться и опираться на внешние силы. На этом фоне на политической арене Ирака восходит «звезда» молодого и яркого политика из влиятельного рода аль-Садр – Муктада аль-Садр. Американский исследователь Мэтью Холлинджер отмечает важную черту в движении, возглавленном Муктадой аль-Садром оно направлено против американцев и любой группы, которую Муктада ас-Садр считает не истинно иракской. Американцев в эту эпоху можно было бы сравнить с баасистами в глазах Муктады и его последователей [8, р. 23]. Утверждалось, что иностранная оккупация Ирака не законна, и что любое сотрудничество с оккупационной властью находится под запретом. С их точки зрения, действия США и их союзников, расценивались как нападение на «землю ислама и мусульман» [7, р. 224]. Это, естественно, было полной неожиданностью для администрации Пола Бремера.

Муктада аль-Садр в 2003 г. был молодым человеком, которому исполнилось всего 30 лет. К тому же он не обладал титулом аятоллы, являясь муллою рангом ниже – ходжат оль-ислам,

что не давало ему религиозного права на издание фетв и выступать в качестве религиозного лидера. Но все это с лихвой компенсировалось личными качествами Муктады аль-Садра, искусно использовавшего ореол мученичества своей семьи, в которой жертвами режима Саддама Хусейна стали отец, дядя и старшие братья. Муктада стал добровольным продолжателем «дела» своей семьи, чем сыскал огромную поддержку у широких масс верующих. Второй важный элемент в политическом успехе аль-Садра стала его опора на действительно широкие народные массы простого народа, которые столкнулись с тяжелыми экономическими трудностями в условиях иностранной оккупации страны. Апеллируя к тому, что в отличие от других, он не покинул страну, а оставался под домашним арестом, давало возможность изображать себя как истинного борца за свободу страны, который не испугался угроз режима. И тот факт, что Муктада аль-Садр готов и далее защищать интересы страны должен был свидетельствовать факт формирования вооруженных сил, подчинявшихся лично ему. Речь идет о создании «Джейш аль-Махди» (Армии Махди) [9, p. 205].

В начале ни коалиционные силы, ни ВКА во главе с П. Бремером, ни влиятельные улама Неджефа, в лице великого аятоллы Али аль-Систани, не воспринимали Муктаду аль-Садра и его движение как действительно значимую силу, с которой надо считаться и которая может влиять на развитие ситуации в стране. Однако уже скоро они столкнулись с решительными действиями, заставившими пересмотреть их подход к движению садристов.

В октябре 2003 г. в столичном районе Садр-сити, где проживало около 2 млн. шиитов, начались первые столкновения отрядов «Джейш аль-Махди» с коалиционными войсками. 11 октября 2003 г. Муктада ас-Садр объявил, что он сформировал «альтернативное правительство» с министрами, бросив прямой вызов ВУСИ и ВКА. А 14 октября сторонники аль-Садра силой захватили мечеть имама Хоссейна в Кербеле, вытеснив оттуда сторонников аятоллы аль-Систани. Только вмешательство сил коалиции, положило конец столкновениям из-за контроля над мечетью [3, p. 212].

Подлинной силой «Джейш аль-Махди» стала после событий в Неджефе весной 2004 г., когда небольшая группа примерно из 300 ополченцев вступила в неравный бой с американскими войсками. Созданные подразделения новой иракской

полиции под эгидой американской администрации, продемонстрировали свою полную профессиональную непригодность, так как полицейские просто сдавались на милость атакующих их толпам садристов. Помимо Неджефа, садристы активно действовали также в других шиитских городах южного Ирака, начиная от Эль-Кута и Багдада до Басры и Кербелы. Только 5 мая 2004 г. армия США перешла к активным действиям по разгрому «Джейш аль-Махди» в Неджефе. Оказавшись под подавляющим нажимом авиаударов и действий танков, ас-Садр был вынужден пойти на переговоры с оккупационными властями при посредничестве аятоллы Али ас-Систани. В результате Муктада ас-Садр согласился вывести отряды своей армии из Неджефа и Кербелы, но отказался их распустить и разоружить [9, p. 216].

Результаты. События весны 2004 года с эпицентром в Неджефе стали высшим проявлением активизации шиитской борьбы за свои права в постсаддамовском Ираке. Достигнутый компромисс с Муктадой аль-Садром, не только вывел его в первые ряды влиятельных иракских политиков, но и означало фактический провал первоначальных планов США по демократизации Ирака по западным лекалам. Символично в данном случае то, что окончание «неджефского кризиса» совпало с окончанием периода прямой военной оккупации Ирака, когда 28 июня 2004 г. Пол Бремер покинул свой пост и территорию Ирака, передав власть временному иракскому правительству Айдяда Аллауи. В то же время действия садристов продемонстрировали раскол внутри самой шиитской общины, так как никакая другая шиитская группировка не поддержала выступление садристов, предпочитая выступать в качестве молчаливого наблюдателя. Как не парадоксально, в результате действий садристов в Ираке укрепилось влияние соседнего Ирана, который выступал покровителем как ВСИРИ, так и Муктады аль-Садра. Выступая против присутствия в политической жизни Ирака иностранных сил, Муктада аль-Садр номинально являлся представителем иранского великого аятоллы Казима аль-Хаири, через которого и шла основная поддержка. Но главный вывод заключался в том, что Муктада аль-Садр своими решительными действиями продемонстрировал настрой шиитов на отстаивание места, соответствующего их положению в будущем устройстве Ирака, что неизбежно вело к обострению этно-конфессионального противостояния с другими общинами – суннитами и курдами.

Литература

1. Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 592 с.
2. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015. 504 с.
3. Allawi A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. Yale University Press, 2008. 544 p.
4. Anderson L. D. The future of Iraq: dictatorship, democracy, or division. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 292 p.
5. Dawisha A. I. Iraq: a political history from independence to occupation. Princeton University Press, 2009. 383 p.

6. Halm H. Shi'a Islam: from religion to revolution. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. 176 p.
7. Helfont S. Compulsion in Religion: Saddam Hussein, Islam, and the Roots of Insurgencies in Iraq. Oxford University Press, 2018. 305 p.
8. Hollinger M. E. Muqtada al-Sadr: how to demilitarize al-Sadr. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009. 69 p.
9. Marr Ph., Al-Marashi I. The Modern History of Iraq. New York: Westview, 2017. 460 p.
10. Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton University Press, 1994. 331 p.
11. Robertson J. Iraq: a history. London: Oneworld Publications, 2015. 389 p.
12. Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. 387 p.

References

1. Guseinov V., Denisov V., Savkin N., Demidenko S. The Greater Middle East: incentives and preliminary results of democratization. Moscow: OLMA Media Grupp, 2007. 592 p. (In Russ.).
2. Conflicts and wars of the XXI century (The Middle East and Northern Africa). Moscow: IV RAN, 2015. 504 s. (In Russ.).
3. Allawi A. The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace. Yale University Press, 2008. 544 p.
4. Anderson L. D. The future of Iraq: dictatorship, democracy, or division. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 292 p.
5. Dawisha A. I. Iraq: a political history from independence to occupation. Princeton University Press, 2009. 383 p.
6. Halm H. Shi'a Islam: from religion to revolution. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1997. 176 p.
7. Helfont S. Compulsion in Religion: Saddam Hussein, Islam, and the Roots of Insurgencies in Iraq. Oxford University Press, 2018. 305 p.
8. Hollinger M.E. Muqtada al-Sadr: how to demilitarize al-Sadr. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009. 69 p.
9. Marr Ph., Al-Marashi I. The Modern History of Iraq. New York: Westview, 2017. 460 p.
10. Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton University Press, 1994. 331 p.
11. Robertson J. Iraq: a history. London: Oneworld Publications, 2015. 389 p.
12. Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge University Press, 2007. 387 p.